

ЛЮБОВЬ-«НАВАЖДЕНИЕ»: ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА «МИТИНА ЛЮБОВЬ»

Т. Н. Ковалева

Пятигорский государственный университет

Поступила в редакцию 5 мая 2025 г.

Аннотация: в контексте изучения причин трагедии главного героя исследуются особенности психологизма в повести И. А. Бунина «Митина любовь». Утверждается, что ведущим в системе форм психологического изображения в повести является синтез глубокого и подробного авторского психологического анализа внутреннего мира, чувств, мыслей, переживаний Мити и его внутренней речи. Автор статьи делает вывод о том, что психологизм Бунина имеет синтетическую природу: в нем проявляются как творчески усвоенные традиции русской классики, так и актуализированные модернизмом начала XX века художественные принципы изображения человека.

Ключевые слова: И. А. Бунин, повесть «Митина любовь», психологизм, авторское психологическое изображение, внутренняя речь героя, внутренний монолог, психологический пейзаж, имена собственные, сны героя.

Abstract: in the context of studying the reasons behind the tragedy of the main character, the features of psychological insight in I. A. Bunin's story "Mitya's Love" are explored. It is asserted that the leading element in the system of forms of psychological representation in the story is a synthesis of a deep and detailed authorial psychological analysis of Mitya's inner world, feelings, thoughts, experiences, and his inner speech. The author of the article concludes that Bunin's psychological insight has a synthetic nature: it manifests both creatively assimilated traditions of Russian classical literature and artistic principles of human representation that were actualized by early 20th-century modernism.

Keywords: I. A. Bunin, story "Mitya's Love," psychological insight, authorial psychological representation, hero's inner speech, internal monologue, psychological landscape, proper names, hero's dreams.

Со времени выхода в свет повесть И. А. Бунина «Митина любовь» неизменно привлекает внимание критиков и исследователей. Начало изучения повести заложено в работах критиков Русского литературного Зарубежья: Ф. А. Степуна, Г. В. Адамовича, И. А. Ильина. Среди этих работ наиболее полный и глубокий анализ повести представлен в статье Ф. А. Степуна. Рассматривая повесть в контексте всего предшествующего творчества И. А. Бунина, Ф. А. Степун отмечает новизну раскрытия в ней темы любви, которая, по мнению критика, заключается в «метафизической» постановке проблемы любви в произведении: это «трагедия всякой человеческой любви, проистекающая из космического положения человека как существа, поставленного между двумя мирами» [1, 374]. Суть Митиной трагедии Ф. А. Степун видит в победе «диктата пола», «неизбывной тяжести безликого пола, тяготеющего над лицом человеческой любви» [1, 377].

И. А. Ильин, не подвергая повесть И. А. Бунина глубокому и полному анализу, в то же время обращается к произведению в контексте характеристики любви в бунинском творчестве в целом. По мнению критика, любовь в художественном творчестве И. А. Бунина «до-духовна» [2, 75-76]. Чувство

Мити И. А. Ильин встраивает в этот же ряд характеристик: это всего лишь «болезненно-томительный, духовно не озаренный и бесплодный надрыв» [2, 76]. Однако психологический анализ И. А. Буниным душевного состояния Мити свидетельствует о том, что чувство героя намного сложнее, чем просто «бесплодный надрыв», поэтому оценка И. А. Ильина представляется односторонней и тенденциозной.

В отечественном литературоведении различные аспекты повести рассматривались в работах А. А. Волкова, Л. А. Смирновой, Ю. Мальцева, Т. С. Карпачевой и др. А. А. Волков и Ю. Мальцев, как и Ф. А. Степун, интерпретируют трагедию Мити, прежде всего, как победу «власти всесильного инстинкта» [3, 366], «жуткой силы пола», «навалившегося» на Митю [4, 297]. Л. А. Смирнова, анализируя повесть в проблемно-тематическом ключе, основное внимание уделяет образу Мити и авторской позиции в произведении, подчеркивая, что «страдания героя и составляют содержание произведения» [5, 133]. Т. С. Карпачева исследует суицидальный сюжет в повести И. А. Бунина «Митина любовь» в контексте исторических реалий Серебряного века, когда интеллигенцию рубежа веков охватила «эпидемия самоубийств», и делает вывод о том, что «главный герой бунинской повести становится жертвой этой эпидемии» [6, 127].

Однако проблема особенностей психологизма повести «Митина любовь» до настоящего времени не становилась предметом специального исследования, хотя психологическую сложность произведения на уровне констатации отдельных наблюдений отмечали многие исследователи. В настоящей статье мы ставим целью выявление и изучение особенностей психологизма повести И. А. Бунина «Митина любовь» в контексте исследования причин трагедии главного героя.

Прослеживая развитие взаимоотношений Мити и Кати, внимательно наблюдая за героем, И. А. Бунин подробнейшим образом описывает все душевные движения Мити, его мысли, чувства, переживания от счастливого времени начала отношений влюбленных, когда они только познакомились и «вдруг почувствовали, что им всего интереснее говорить (и хоть с утра до вечера) только друг с другом» [7, 334] и когда Митя погрузился в тот «сказочный мир любви, которого он втайне ждал с детства, с отрочества» [7, 334] до трагического финала его жизни. Описание первого периода отношений влюбленных пронизывают мотивы их детскости, искренности, взаимной доверчивости, чистоты и невинности. За все повествование И. А. Бунин ни разу не называет своих героев полными именами — Дмитрий и Екатерина. Уменьшительные имена героев показывают, что и Митя, и Катя — дети. Более того, чтобы подчеркнуть детскость и чистоту души героя, И. А. Бунин выбирает для него не просто детскую форму имени Дмитрий, но ее «мягкий», нежный вариант — Митя. Чистота и невинность проявляется и в их нежной чувственности, не переходящей последней черты. «Детьми» называет Митю и Катю Протасов, Митин студенческий товарищ: «Чистые вы дети, прости Господи!» [7, 340].

Однако о счастливом периоде отношений влюбленных автор сообщает кратко, всего тремя страницами текста, пронизанными мотивами счастья в «сказочном мире любви» [7, 334]. Вся же повесть посвящена страданиям и мучениям юного героя, чистого душой, тонко чувствующего, но еще не способного понять до конца ни себя, ни возлюбленную, ни свое чувство к ней. Митины мучения начинаются с того момента, когда к мотиву чистоты отношений влюбленных присоединяется мотив порочности. Сначала Митя воспринимает большую «взрослость» Кати «как признак ее какой-то тайной порочной опытности» [7, 333]. В дальнейшем повествовании мотив порочности получает свое развитие. Так, в сцене выступления на экзамене в театральной школе Митя видит в Кате «ужасную» «смесь ангельской чистоты и порочности, которая была в ней, в ее разгоревшемся личике, в ее белом платье, <...> в ее белых туфельках и в обтянутых шелковыми белыми чулками ногах» [7, 337]. В этой сцене мотив порочности Кати звучит уже вполне обоснованно: это объясняется присутствием образа взрослого мужчины — директора театральной школы, вскружившего Кате голову похвалами и известного тем, «что он развращал учениц,

каждое лето увозил какую-нибудь с собой на Кавказ, в Финляндию, за границу. И Мите стало приходиться в голову, что теперь директор имеет виды на Катю, которая, хотя и не виновата в этом, все-таки, вероятно, это чувствует, понимает и потому уже как бы находится с ним в мерзких, преступных отношениях. И мысль эта мучила тем более, что слишком очевидно было уменьшение внимания Кати» [7, 335]. Этот фрагмент текста весьма показателен в плане анализа психологизма повести «Митина любовь». В нем И. А. Бунин мастерски сочетает «авторское психологическое изображение» [8, 41], то есть авторский анализ мыслей и чувств Мити, и внутренний монолог героя с особенностями именно его внутренней речи, обусловленной его переживаниями. Этот синтез глубокого и подробного авторского психологического анализа внутреннего мира, чувств, мыслей, переживаний Мити и его внутренней речи является ведущим в системе форм психологического изображения в повести «Митина любовь» и проявляется буквально на каждой странице произведения.

Когда польщенная вниманием директора Катя с каждым днем начинает отдаляться от Мити, И. А. Бунин с помощью авторского психологического изображения и внутренней речи Мити подробно описывает мучительные чувства и переживания юного героя: рядом с любовью и нежностью — проснувшуюся ревность, обиды на Катю за ее охлаждение к нему, подозрения в неверности: «<...> то, что говорило мнительное сердце, <...> было сильнее и подтверждалось все очевиднее: внутренняя невнимательность Кати к нему все росла, а вместе с тем росла и его мнительность, его ревность» [7, 335]. «Ему казалось, что ее непреодолимо тянет куда-то прочь от него и, может быть, к чему-то такому, о чем даже и помыслить страшно» [7, 335]. И хотя, казалось бы, никаких причин для ревности не было, автор подчеркивает, что «мнительное сердце» Мити почувствовало, что «началось что-то страшное» [7, 334]. Этим страшным становится опасность соблазнения Кати и опасность утраты Кате ее чистоты, которую чувствует, но не может выразить Митя. Это и вызывало ту «разрывающую сердце боль» [7, 337], которую испытывал юный влюбленный. Знаменательно, что в переводе с греческого Екатерина — «вечно чистая», «непорочная», и эта семантика имени усиливает звучание мотивов чистоты и ее утраты. О. А. Бердникова и Т. Н. Голицына верно отмечают, что распространенность в художественном мире Бунина кратких форм женских имен часто связана с «сюжетом соблазнения героини» [9, 89], что подтверждается мотивом соблазнения юной Кати директором театральной школы, взрослым мужчиной.

Авторский психологический анализ помогает передать душевные страдания героя, сердце которого почувствовало, как «что-то страшное» вторгается в их с Катею чистую любовь. И. А. Бунин показывает, что Митина любовь не только не уменьшается, «но все

возрастает вместе с той ревнивой борьбой, которую он вел с кем-то, с чем-то из-за нее, из-за этой любви» [7, 337]. Внимательно наблюдая за Митей, проследившая опасную деформацию его чувства к Кате, обращаясь к различным приемам психологизма, И. А. Бунин в дальнейшем повествовании показывает, как юношеская чистая любовь, «первая настоящая любовь» [7, 345] Мити превращается в убивающую любовь-«наваждение», любовь-«одержимость».

Пытаясь хоть на время освободиться от мук ревности, Митя решает на время уехать в деревню, в родное поместье. И, действительно, отрыв от суety большого города, погружение в «простой, спокойный и родной мир по сравнению с московским, <...> центром которого была Катя» [7, 343], родная природа и родной дом поначалу помогают Мите почувствовать внутреннее успокоение: он испытывает «чувство <...> мирной, успокаивающей и душу и тело простоты» [7, 345]. Исследуя душевное состояние героя, И. А. Бунин вводит в повествование такой прием психологического изображения, как «внутренний монолог». Юный влюбленный пытается понять, «что это значит вообще — любить?» [7, 338]. «Он не знал, за что любил, не мог сказать, чего хотел...» [7, 338]. Размышляя над этим сложным вопросом, Митя приходит к выводу: ни в том, что он слышал о любви, ни в том, что читал о ней, «не было ни одного точно определяющего ее слова» [7, 338]. В книгах и в жизни говорили или о какой-то бесплотной любви, или о дикой страсти, чувственности. «Его же любовь была непохожа ни на то, ни на другое. Что испытывал он к ней? То, что называется любовью, или то, что называется страстью?» [7, 338]. Эти размышления героя над древнейшим и сложнейшим вопросом человечества свидетельствуют о том, что чувство Мити намного полнее и сложнее, чем бесплотная любовь или только страсть, чувственность-вожделение. Ведь любовь Мити и Кати началась с дружбы и общения, взаимной симпатии, интереса друг к другу и уже затем взаимного чувственного влечения. Описывая душевное состояние Мити в разлуке с Катей, И. А. Бунин подчеркивает, что в чувствах героя к любимой главенствует не вожделение, не страсть, а нежность и чистота: «И теперь, когда ее не было, был только ее образ, образ не существующий, а только желанный, она, казалось, ничем не нарушала того беспорочного и прекрасного, чего от нее требовали, и с каждым днем все живее и живее чувствовалась во всем, на что бы ни взглянул Митя» [7, 349]. Поэтому трудно согласиться с мнением, что чувства влюбленных развиваются «во все нарастающей между ним и Катей от декабря к февралю и все «темнеющей» страстности» [1, 376]. То, что Ф. А. Степун объясняет как диктат «безликого пола» [1, 377], в отношении чувства Мити к Кате, на наш взгляд, есть жажда осуществления всей полноты любви, в которой физическая, чувственная составляющая, несомненно, тоже важна.

В другом внутреннем монологе Митя продолжает свои размышления, и, пытаясь понять Катю, свое чувство к ней, вновь задает себе вопросы: «Да, да, кто она, что она такое? А любовь, страсть, душа, тело? Это что такое? Ничего этого нет, — есть что-то другое, совсем другое!» [7, 343]. Оглядываясь по сторонам, Митя признается себе, что он ко всему вокруг испытывает любовь: «Вот этот запах перчатки — разве это тоже не Катя, не любовь, не душа, не тело? И мужики, рабочие в вагоне, женщины, которая ведет в отхожее место своего безобразного ребенка, тусклые свечи в дребезжащих фонарях, сумерки в весенних пустых полях — все любовь, все душа, и все мука, и все несказанная радость» [7, 343]. Прекрасное, чистое чувство любви к Кате рождает в душе героя чувство любви ко всему миру.

Находясь в разлуке с любимой, Митя готов верить Кате, любить ее без сомнений и подозрений. И. А. Бунин показывает, как герой забывает все плохое, что было в его отношениях с Катей, как в его душе вместе с весной рождается некий идеальный, прекрасный образ его милой возлюбленной, которую он вновь искренне и преданно любит, как постепенно нарастает разрыв между настоящей Катей и ее идеализированным образом. Все то возвышенное и прекрасное, что чувствовал Митя и хотел видеть в своей возлюбленной, сливается с прекрасными картинами весенних пейзажей, цветущих садов, зеленеющих полей: «Катя <...> всему придавала себя, свою красоту, расцветающую вместе с расцветом весны, с этим все роскошнее белеющим садом и все темнее синеющим небом» [7, 350].

Однако описывая картину мира Мити на протяжении его пребывания в деревне, И. А. Бунин дает еще одну характеристику чувства любви героя к Кате, чрезвычайно важную для понимания причин гибели юного влюбленного: «Теперь же в мире была Катя, была душа, этот мир в себе воплотившая и надо всем над ним торжествующая» [7, 347]. Вместо торжествующего над миром Бога — торжествующая над миром Катя. Кошунственная и страшная подмена, нарушение «первой и наибольшей заповеди», говоря словами Христа, — любви к Богу. Поставив Катю в центр мира, заменив ею Бога, Митя сделал первый шаг к гибели и начал выстилать себе дорогу в ад.

Но, может быть, автор восхищается такими чувствами Мити — идеализацией и обожествлением любимой девушки? Однако все последующее повествование опровергает такое предположение и свидетельствует о том, что обожествление любимого человека ведет к болезни души, что это опасная и страшная — «дьявольская» подмена. Бунин, всегда очень точно определявший чувства своих героев, дает в повести несколько таких образов-определений состояний и чувств Мити, обожествляющего Катю: «он как будто пьян от какой-то тяжелой болезни» [7, 358], «наваждение» [7, 359], «одержимость» [7, 359]. Обратим внимание, что «наваждение» и «одержимость»

мость» — лексемы христианского происхождения и христианской семантики: «наваждение» говорит о подчинении человека «злой силе», дьяволу, о соблазнении человека дьяволом: «то, что внушено «злой силой» силой с целью соблазнить, увлечь чем-нибудь»: «дьявольское, сатанинское наваждение» [10, 318]. «Одержимость» свидетельствует о полном и «ненормальном» подчинении человека какой-либо страсти: «одержимый — безумный, бесноватый» [10, 318]. Влюбленный Митя отгородился от всего мира, перестал общаться с родными, уединившись в библиотеке, зачитывался прекрасными стихами о любви, а затем, как безумный, призывал Катю и «хватал заветную фотографическую карточку и впадал в столбняк, жадно и вопросительно глядя на нее» [7, 362].

Мотивы «больной души», «наваждения» и «одержимости» пронизывают главы, посвященные ожиданию письма от Кати, когда герой думает лишь о возлюбленной и видит ее во всем: «Катя стала уже истинным наваждением; Катя была теперь во всем и за всем уже до нелепости» [7, 359]. «Уже давно потерял он жизненное представление о ней, и уже являлась она ему с каждым днем все необычнее, все преобразеннее» [7, 363]. Когда же «он вдруг увидел Катю, сходящую, во всем расцвете женской прелести, с балкона в сад, почти совершенно так же явственно, как видел дом и жасмин, <...> Митя ужаснулся...» [7, 363]. Пространство души героя настолько заполнено образом любимой, что заслоняет собой весь огромный мир, и прекрасная любовь превращается в убивающую любовь-«наваждение», любовь-«одержимость».

Авторским опровержением идеализации и обожествления любимого человека является X глава, которая начинается со знаменательной фразы «Только раз в это первое время напомнила о себе Катя зловеще» [7, 347] и в которой И. А. Бунин рисует страшное, зловещее событие: встречу Мити ночью в саду с сычом — с самим дьяволом — так назвал это событие сам герой. «...И вдруг где-то вдали что-то дико, дьявольски гукнуло и закатилось лаем, визгом. <...> что это такое, где оно, — то, что так неожиданно и страшно огласило сад? Сыч, лесной пугач, совершающий свою любовь, и больше ничего, думал он, а весь замирал как бы от незримого присутствия в этой тьме самого дьявола» [7, 347-348], издающего потрясающие Митину душу вой и визги. После этого события «Митя всю ночь мучился сквозь сон всеми теми болезненными и отвратительными мыслями и чувствами, в которые превратилась в марте в Москве его любовь» [7, 348]. Это подробнейшее описание свидетельствует о том, что сам герой соотносит ужаснувшую его картину встречи «с самим дьяволом» с тем «страшным», что вторглось в их с Катей чистую любовь и что так чутко уловил Митя: «что она для него, для Мити, уже не существует, что она уже в чьей-то чужой власти, отдает кому-то другому себя и свою любовь, всецело долженствующую при-

надлежать ему, Мите» [7, 359]. Знаменательно, что эта глава, рисующая зловещее событие, идет сразу после кошмарных слов Мити, что Катя воплощает в себе весь мир и над всем над ним торжествует.

Образ дьявола обретает человеческий облик «господина в смокинге с бескровным бритым лицом, с черными и короткими курчавыми волосами» [7, 380], совратившего Катю, в мучительном, ужасном сне Мити — одном из самых сильных приемов глубокого психологизма. В этом ужасном сне, так потрясшем Митю, соединилось что-то «протоестественно-омерзительное» «близости кого-то с кем-то», «но в которой он и сам как-то участвовал» [7, 380]: Кати с господином-дьяволом и Мити с Аленкой, о чем свидетельствует упоминание о ней. «Чувствовалось же все это через посредство ребенка с большим белым лицом» [7, 380], которого несла на руках молоденькая нянька и которого Катя перед встречей с господином-дьяволом спрятала в комод. Семиотика и взаимосвязь образов сна позволяет утверждать, что «ребенок с большим белым лицом» — это Митя.

Если первое письмо Кати, в котором она обращается к нему со словами «мой любимый, мой единственный!» [7, 351], становится апофеозом счастья Мити — это первая кульминация в повести, то второе и последнее письмо Кати, перевернувшее жизнь Мити и лишившее ее смысла, — последняя кульминация. Сочетая авторское психологическое изображение, портрет и пейзаж, И. А. Бунин передает колоссальное потрясение души Мити и от потери любимой, и от утраты ее чистоты, и от предательства его любви. Автор создает символический пейзаж поистине апокалипсического ливня, вызывающего в памяти картины библейского потопа, смывающего с лица земли грешников: «дождь лил почти неделю и не прекращался, становился все сильнее», «лил с утра до вечера, лил как из ведра» [7, 378], а в последний день жизни Мити припускал «особенно бурно и мрачно» [7, 378]. Описывая душевное состояние Мити, И. А. Бунин создает образ обезумевшего от несчастья человека, ничего не видящего вокруг, вновь и вновь перечитывающего письмо от любимой и сотрясающегося от рыданий. «Весь облитый, весь насквозь промокший, без единой кровинки в лице, с заплаканными, безумными глазами, он был страшен» [7, 378]. «От холода, от ледяной сырости воздуха большие руки его посинели, губы стали лиловыми, смертельно бледное лицо с провалившимися щеками приняло фиолетовый оттенок» [7, 378-379] — по сути, это портреты мертвеца. И. А. Бунин предельно экспрессивно передает чувства Мити, переживающего шок от разрушения его мира, от потери любви и любимой, которую он обожествлял и которая воплощала в себе весь мир: «он погиб, в мире так чудовищно безнадежно и мрачно, как не может быть и в преисподней, за могилой» [7, 380].

Традиционно трагедию Мити интерпретируют как победу «диктата пола», «безликого пола, тяготеющего над лицом человеческой любви» [1, 377], «власти все-

сильного инстинкта» [3, 366]. «жуткой силы пола», «навалившегося» на Митю [4, 297]. Однако «диктат пола» не проявлялся в отношениях Мити с Катей, а проявлялся лишь в отношениях с Аленкой. После близости с купленной Аленкой Митя, «совершенно пораженный разочарованием» [7, 378], не переживает, однако, такой сильной душевной боли, такого колоссального шока и потрясения, как после получения прощального письма Кати, в котором она написала о разрыве отношения с ним и о своем падении — о том, «страшном», опасности чего так чутко уловил Митя и чего он так боялся.

Т. С. Карпачева называет Митю «жертвой эпидемии самоубийств» [6, 127], охватившей интеллигенцию рубежа веков. «Митина любовь» — повесть о чистых, невинных, доверчивых и открытых детях, об их сломанных судьбах [6, 130], детях, «заигравшихся» в подражание» [6, 135]. Однако только подражательным поведением самоубийство Мити объяснить невозможно. Ведь эпидемия самоубийств рубежа XIX-XX веков — это страшное и трагическое следствие богоотступнических настроений эпохи, утраты чувства Бога в душах людей, что так потрясаяще показал И. А. Бунин в своих произведениях 1910-х годов.

Знаки христианского текста повести и глубочайший психологический анализ позволили И. А. Бунину показать, что трагедия Мити и глубинная причина гибели героя — в обожествлении любимого человека, приводящем к болезни души, к наваждению и одержимости, а главное, — в отсутствии истинной любви к Богу и веры в Него, и, значит, в отсутствии незыблемой опоры в жизни человека, помогающей выдерживать любые испытания. Истоки трагедии героя кроются в нем самом, в его искаженной картине мира, в центре которого вместо Бога — любимый человек.

Повесть «Митина любовь» «психологически очень сложна» [1, 376] и в силу глубокого изучения причин трагедии Митиной любви как проблемы человеческого бытия, и в силу особенностей глубочайшего авторского психологизма. Н. В. Пращерук верно отмечает, что «психологизм Бунина имеет синтетическую природу. Принципы изображения человека, открытые предшествующей русской прозой, органично восприняты и преобразованы художником в новое качество» [11, 73]. В исследовании причин трагедии главного героя проявляются усвоенные И. А. Буниным традиции И. С. Тургенева в изображении «испытания любовью», Л. Н. Толстого — в «диалектике души», в подробнейшем анализе внутреннего состояния героя, Ф. М. Достоевского — в исследовании души человека в состоянии кризиса

и бытийного выбора, предельного психологического напряжения. Символизация имен собственных, пейзажей, деталей, художественного времени-пространства, христианского хронотопа, снов героя, экспрессионистски написанная финальная картина разрушения мира героя и его самоубийства связывают психологизм И. А. Бунина с актуализированными модернизмом начала XX века художественными принципами изображения человека. Этот мощный синтез создает ту сложность и бытийную глубину в исследовании души человека, в изображении «борьбы человека с самим собою за себя самого» Степун [7, 383], которые делают повесть И. А. Бунина «Митина любовь» произведением, принадлежащим вечности и актуальным во все времена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степун Ф. А. Литературные заметки: И. А. Бунин (По поводу «Митиной любви») / Ф. А. Степун // И. А. Бунин: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2001. — С. 365-385.
2. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев / И. А. Ильин. — М.: Скифы, 1991. — 216 с.
3. Волков А. А. Проза Ивана Бунина / А. А. Волков. — М.: Московский рабочий. 1969. — 448 с.
4. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870-1953 / Ю. Мальцев. — М.: Посев. 1994. 432 с.
5. Смирнова Л. А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество / Л. А. Смирнова. — М.: Просвещение, 1991. — 192 с.
6. Карпачева Т. С. Суицид в повести И. А. Бунина «Митина любовь» и исторической реальности Серебряного века: междисциплинарный подход к проблеме / Т. С. Карпачева // Вестник Гос. гуманитарно-технологического ун-та. — 2021. — № 3. — С. 112-120.
7. Бунин И. А. Собр. соч.: в 6-ти т. / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1988. — Т. 4.
8. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя / А. Б. Есин. — М.: Просвещение, 2013. — 174 с.
9. Бердникова О. А. При «дороге» жизни: о модификациях одного сюжета в произведениях И. А. Бунина / О. А. Бердникова, Т. Н. Голицына // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. 2020. № 4. С. 85-92.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов. — 18-е изд., стереотип. — М.: Ру Яз., 1987. 797 с.
11. Пращерук Н. В. Психологизм прозы И. А. Бунина 1909-1913 гг. / Н. В. Пращерук // И. А. Бунин и русская культура. Межвузов. сборн. научн. тр. — Елец: ЕГПИ, 1996. — С. 82-91.

Пятигорский государственный университет

Ковалева Т. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования

E-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru

Pyatigorsk State University

Kovalyova T. N., Candidat of Philology, Associate Professor
of the Department of Literature and Pedagogical Technologies
of Philological Education

E-mail: tatjana_kovaleva@mail.ru